

Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки

Карасёва Людмила Аршавировна 

Доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Российская Федерация
E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая
теория и реальная
практика, логическое
несовершенство
теории, критерий
истинности теории,
трансформационное
состояние экономики,
непознанная
экономическая реальность,
полезность экономической
науки

АННОТАЦИЯ

Материал подготовлен по итогам выступления на открытии IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», состоявшейся 28 – 29 ноября 2024 года в Тверском государственном университете, г. Тверь. Перед нами стояла задача задать определенные рамки обсуждения на Пленарном заседании, заявляя тему, внутренне предполагающую некую попытку ответа на принципиальный вопрос: каково соотношение экономической теории и практики, а, следовательно, каков характер связи их потенциалов. Актуализация данной проблемы обусловлена тем, что в последнее время теорию все чаще обвиняют в разрыве с практикой. При этом, с одной стороны, нет необходимого социального заказа на глубокие социально-экономические теории, исследующие природу системных проблем, возникающих в хозяйственной практике. А, с другой, – сложившая традиция узко специализированного, линейного подхода к их исследованию: экономического, управленческого, правового и др. Например, в экономической теории существует множество подходов и школ, каждая из которых предлагает свои идеи о том, как функционирует экономика. Так, классическая школа акцентирует внимание на свободном рынке и минимальном вмешательстве государства, кейнсианство подчеркивает роль государственного регулирования для стабилизации экономики, а неоклассика фокусируется на рациональности и равновесии. Но «новая реальность» сложна, ибо она связана с глубокими трансформационными процессами. В этих условиях проблема сохранения и развития методологии политической экономии чрезвычайно актуальна и требует пристального внимания экономического сообщества для понимания социально-экономической природы происходящих трансформаций в целях повышения эффективности современной экономической науки для практики. В данной статье представлена попытка взгляда на обозначенную проблему с позиции смыслов экономической науки, конечной цели (ценности) или характеристики ее полезности для практики, сохраняя несколько тезисное изложение ключевых положений, оправданное, на наш взгляд, многоаспектностью предлагаемого материала.

JEL codes: A13; A14; B40; B41

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-7-12-25>

Для цитирования: Карасёва, Л.А. Контуры «новой реальности» и проблемы возрождения смыслов современной экономической науки /Л.А. Карасёва - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №7. - С.12-25. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.07.2025)

Об актуальности и аспектах проблемы соотношении экономической теории и практики

Почему возникла идея актуализации обозначенной в теме проблемы? В первую очередь это связано с сохранением иллюзий о том, что, оставаясь в рамках чистого профиля науки, можно более приблизиться к проблемам хозяйственной практики, предлагать более продуктивные меры снятия проблем. А от практиков часто можно слышать суждение: «на практике – одно, а в теории – другое» и довод: «истинность теории проверяется практикой». Об актуальности данной проблемы свидетельствует и ряд статей, посвященных ей, появившихся в последнее время [3, 8, 10, 11, 12 и др.].

Для нас обращение к проблеме соотношения теории и практики не ново. Еще в 2012–2014 гг. в дискуссии с д.э.н. Виктором Александровичем Петрищевым у нас родилась идея написать пособие по методологии научного исследования для магистрантов и аспирантов, т.к. практика показывала, что все больше квалификационных работ стало носить поверхностный характер, в них преобладал эмпирический подход без попыток выйти на сущность проблемы, которая подлежала исследованию. Особую озабоченность вызывала сложившаяся практика сведения экономического исследования к экономическому моделированию, погоня за новыми методами без внимания к сути процессов, которые подлежат исследованию; превращение экономического знания в инструмент, технологии и т.п. В итоге в ходе жаркой дискуссии родилось учебное пособие «Методология научного исследования» [9], материал которого в интересах анализа будет взят в качестве некоторых теоретических критерий и опорных положений анализа поставленной проблемы в статье.

Но подтолкнула к идеи сделать данную проблему ключевой на обозначенной выше конференции интересная статья Кошовец Ольги Борисовны «Куда движется современная экономическая наука: горизонтальный прогресс, превосходство метода и замещение теории дискурсом» [11], в которой «обсуждается недавняя попытка Д. Родрика обосновать «инструменталистское» определение предмета экономической науки, отказ от теории в пользу экстенсивного развития частных моделей и идея «горизонтального прогресса» в развитии дисциплины» [11, с. 175]. При анализе важных изменений в практике производства экономического знания О.Б. Кошовец подчеркивает: «В целом их можно охарактеризовать как фундаментальный сдвиг от науки, теории и объяснения действительности к ремеслу, технике и преобразованию (конструированию) реальности. Речь, в частности, идет о таких явлениях, как «эмпирический поворот», решающее значение эконометрических оценок для деятельности экономистов, а также отказ от сиентистских претензий как риторическая стратегия с целью избежать обвинений в сиентизме» [11, с. 177]. Поэтому и дальше мы неоднократно будем обращаться к данной работе.

Кроме того, работа с научными публикациями известных ученых Александра Владимировича Бузгалина и его коллеги Андрея Ивановича Колганова, Виктора Тимофеевича Рязанова, Дмитрия Евгеньевича Сорокина, Кайсына Азретовича Хубиева и др., посвященными проблемам мировой и отечественной экономики, в которых ставились и решались вопросы современной методологии экономических исследований, еще больше убеждала, что проблема сохранения и развития методологии политической экономии чрезвычайно актуальна и требует пристального внимания экономического сообщества для понимания социально-экономической природы происходящих трансформаций в целях повышения эффективности современной экономической науки для практики.

В самом общем виде, можно согласиться с Огневым Александром Николаевичем, «проблема состоит в том, насколько существенная идеализация действительности способна легализовать границу между теоретической позицией, исходящей из объективного генезиса разума, и практической установкой состоявшегося исторически типа субъективности?» [13, с. 98].

Выделим три аспекта проблемы: 1) обоснованность социально-практического заказа на теоретическое обоснование и его влияние на ход теоретического исследования; 2) отражение и превращение эмпирической практики в теоретическое знание; 3) влияние теории на практику, критерий истинности теории; 4) экономическая теория, экономическое образование и практика.

Исходные методологические и теоретические предпосылки исследования

Теория действительно заслуживает упрека в оторванности от практики в следующих случаях:

Во-первых, когда она не является теорией, хотя и претендует на это, выступая либо эмпирическим научным знанием, либо, того хуже, – вымыслом, утопией, часто ориентируясь и подчиняясь господствующему экономическому интересу, взаимодействуя с властью. В этом отношении снова согласимся с О.Б. Кошовец, которая полагает, что «это произошло в рамках перехода государства к новому типу технократического управления и привлечения экономистов

в систему управления, но уже не в прежней позиции политэкономов, советников государя, а в позиции технократов, экспертов, социальных инженеров» [11, с. 184]. Эту же мысль проводит Кайсын Азретович Хубиев в статье «Междисциплинарный потенциал развития экономической теории на основе политической экономии» [19], объясняя, почему теория межсистемных переходов, разработанная в рамках политической экономии, содержащая целый комплекс научных положений, которые можно было использовать в современных условиях, не была востребована. По мнению ученого, она «... была научным препятствием перехода России на путь исторически попятного движения к примитивной капитализации экономики и общества ... мешала «истинной мотивации и замыслам реформаторов. В их интересах было подобные теории замолчать, а еще лучше снять из научно интеллектуального оборота. Так политическая экономия лишилась основных признаков гражданства» [19, с. 12–13].

Во-вторых, когда теория находится на начальном этапе своего развития и дает только самые общие сущностные определения, не выходя на менее сущностные, но достаточно важные уровни познания явлений. Методологическая проблема соотношения «сущности и явления», с одной стороны, и «сущностей разных порядков» – с другой, в последние годы ушла в исследованиях на задний план. Но если в исследованиях ключевым становится функционирование социально-экономических отношений в рамках одного определенного этапа развития она актуализируется и выдвигается на первый план. На данный аспект проблемы еще в 1979 году обратил внимание Алексей Алексеевич Сергеев в своей работе «Структура производственных отношений социализма. Вопросы методологии исследования» [14]. В частности, ученый уточняет, что «связи – производные, второстепенные, случайные в одном отношении – выступают как определяющие в другом. Промежуточное звено, которое в определенном отношении лишь маскирует ту или иную определяющую связь, в другом отношении выступает как ее модификация, существенная для протекания всего процесса. Этот аспект подчеркивает реальный аспект нетождественности сущности и явления, несводимости явления к одной данной сущности (выделено нами)» [14, с. 55].

В-третьих, когда существует логическое несовершенство теории. Логическое несовершенство теории определяется методом, использованным при ее создании. Если, например, в ней используются: 1) методы только формальной логики, а не диалектики; 2) метод схоластики вместо аналитического; 3) метод поверхностных наблюдений вместо абстрагирования; 4) метод эклектики вместо системного и т.д. Но «в качестве следствия можно утверждать, что всякий, кто игнорирует роль логики в процессе познания, является либо искренне заблуждающимся, либо человеком не совсем честным в своих целях и намерениях, стремящимся не столько к объективному и истинному знанию, сколько к чему-то совсем иному» [3, с. 23].

Что касается проверки истинности теории практикой, то не практика сама по себе является таковой. Она сама нуждается в познании и может быть вполне понята только в виде теории.

Проверка теории в практической деятельности означает важность эмпирического познания. Эмпирическое познание не снимается раз и навсегда теорией. Наоборот, необходимо постоянное возвращение к эмпирическим данным, к опыту либо для уточнений теории, либо для ее углубления, расширения. От идеализации в теории к эмпирической проверке и далее к более точной и полной идеализации. Теория «работает» и направляет практику, а практика в части, неподдающейся направлению, и из-за постоянного изменения вынуждает уточнять теорию.

Критерий истинности теории – это практическая деятельность, осуществляемая на основе теоретического целеполагания.

Поэтому в марксистской методологии критерием истины является практика, взятая в самом широком смысле как всякая развивающаяся общественная деятельность человека по преобразованию себя и мира.

Другими словами, логика исследования: практика → теория → практическая деятельность → уточнение теории → практическая деятельность → теория. Как справедливо заметил Сидоренко Н.И.,

«... теория поддерживает свою связь с практикой через изменение своей структуры и реализацию обновляющих свое содержание функций» [15, с. 134]. Критерием же «... правильности сочетания теории и практики выступает то, насколько эффективно, экономно и результативно практика как реализация теории (выделено нами) достигает поставленных целей» [15, с. 137]. Заметим однако вслед за О.Б. Кошовец, что не тогда, когда теория «предстает как «эффективная теория», которая предполагает создание верифицируемого знания, позволяющего делать предсказания и управлять объектом знания, делать его прозрачным для «взгляда государства», чтобы упростить выполнение его основных функций ... такая эффективная теория становится важным конститутивным элементом государственного управления, затем она неизбежно начинает обращаться в политической сфере, где наиболее существенным является не то, как на самом деле, а как должно/желательно» [11, с. 185].

Обратим внимание еще на один важный аспект анализируемой проблемы. В обозначенной нами цепочке: практика → теория → практическая деятельность → уточнение теории → практическая деятельность → теория, есть еще одно важное звено – «теория → образование». На это обращено внимание в статье «Экономическая наука, практика и образование: проблемы взаимодействия» Л. В. Кусургашевой, В. Н. Давыдовой: «... экономическое образование, формируя определенный тип мышления и поставляя теории и практике кадры, может задержать или ускорить развитие той и другой» [12, с. 239].

Так, исключение политической экономии из образовательного процесса путем снятия ее в качестве обязательной дисциплины из учебных планов, прекращение ее финансирования, государственной и грантовой поддержки, привели к тому, что «учащиеся всех уровней лишились фундаментального экономического образования, научно-исследовательский процесс тоже утратил определенный уровень фундаментальности, который так необходим, особенно сейчас для исследования новой турбулентной реальности в национальной и мировой экономике» [19, с. 13]. Но это самостоятельный аспект анализа, требующий специального рассмотрения. Здесь мы его лишь обозначим.

Истинность теории может быть проверена (верифицирована) не только практикой. Так, например, дело не только в том, чтобы утверждать, что экономика — это система, но и в том, чтобы ее исследование было системным, т.е. чтобы сама экономическая теория была системой: а) имела «недеформированную» структуру; б) была движением от простого к сложному; в) отражала функционирование развитой, зрелой системы, а не ее происхождение и т.д.

Экономическая теория и реальная практика соотносятся как идеальное и реальное, относительно статичное и «живое» (непрестанно меняющееся). В конечном же счете теория должна быть идеальным выражением сущности практики, а теоретическая модель — оформлением многообразной хаотичной реальности, приводящим ее в определенный порядок.

Очевидно, что практический потенциал науки в первую очередь зависит от полноценного ее теоретического потенциала. Но реализация потенциала всегда связана с ключевым вопросом, в чьих интересах он реализуется.

В этом отношении решение вопроса о проблемах и направлениях развития экономической науки носит принципиальный характер. Столь же принципиальна и позиция исследователей в отношении того, в чьих интересах осуществляется научное исследование.

О сложности исследования экономик, находящихся в трансформации

Представители ряда экономических дисциплин могут возразить, но это же проблемы политической экономии.

И мы ответим, конечно, но экономическая наука, как и экономико-теоретическое образование, выиграет от включения методологического потенциала политической экономии, то есть теории знаний о получении знаний. Почему? Чем больше мы абстрагируемся в научном познании, тем глубже, (а не полнее) познаем практику. Разве можно это сделать без опоры на оправдавшую себя и развивающуюся методологию политико-экономического исследования.

Мы неоднократно обращали на это внимание [6, 7, 8, 9]. Но в рамках обсуждаемой проблемы, подчеркнем, что исследовать экономики, находящиеся в состоянии глубокой системной трансформации, чрезвычайно сложно.

В чем сложность?

1) Процесс исследования меняющейся и/или еще непознанной экономической реальности дополняется внешними обстоятельствами ее познания (гносеологическими, политическими причинами и др.), ограничивающими возможности познания трансформирующихся хозяйственных систем. Это усложняется еще и тем, что внешние обстоятельства готовятся часто заранее, постепенно. Только один пример. Уже в семидесятые годы прошлого столетия западная элита стала постепенно осторожно внедрять мысль о «глобальном кризисе образования». Появление международного проекта «Глобальное образование», навязанного круглым столом европейских промышленников, объединяющим 47 крупнейших корпораций, и представленного ЮНЕСКО как модель для всего мира, лишь оформило эту идею. Лейтмотив проекта заключался «в том, что образование превращается в высокорентабельную сферу бизнеса, а вместо знаний утверждаются компетенции и соответствующие навыки в виде товара, который в данный момент нужен бизнесу» [2, с. 363–364].

2) Возникают проблемы в самой экономической науке: стремясь сделать теорию более конкретной, впадают в эмпиризм. Выше мы обратили на это внимание. Но еще раз подчеркнем, что происходит трансформация воспроизведения науки и её реализации к освоению и корректированию методик, а не к пониманию социально-экономической природы происходящих процессов, влияющих на хозяйственную деятельность субъектов экономики, требующую переосмысливания и создания научного знания, а на этой основе и методов, и инструментов.

Здесь можно выделить методологический ряд проблем в экономических исследованиях.

Во-первых, часто не проводится различие между социально-экономическим типом производства и спецификой той или иной системы социально-экономических отношений. Тип производства определяется его социально-экономической природой, предопределяющей общую специфику элементов данной системы, которая будет проявлять себя в той или иной специфической форме при функционировании, реализации отношениями своего внутреннего потенциала.

В этой связи, и это, во-вторых, не можем не обозначить проблему исследования исходного отношения. В современных экономических исследованиях проблеме исходного отношения не уделяется должного внимания. Но это важно. Именно в действующей хозяйствующей системе зарождается его форма, а не само отношение, хотя в ряде публикаций происходит смешение и подмена формы отношением.

В-третьих, проблема соотношения в исследовании статики и динамики изучаемого объекта.

Как правило в исследованиях доминирует негативное отношение к изучению статики. Но! Изменчивость в экономике – только одна ее характеристика и далеко не самая существенная. Экономическая система не может нормально существовать, функционировать без ее устойчивости. Момент устойчивости как в отдельном явлении, так и во всей системе есть его (ее) сущность. То, что мы называем генетическим кодом системы.

Например, форма собственности не может быть постоянно динамичной. Это означало бы постоянные потрясения в обществе. Изменения же касаются сначала поверхностного уровня явлений и лишь затем достигают сущностного уровня – появления новых по сути элементов экономической системы, которые могут существовать внутри нее, но и отрицать ее.

Изменения сущностного уровня экономической системы: а) подготавливаются накоплением новых элементов, отрицающих прежнюю систему; б) изменяется форма собственности как структура этой системы. Как результат – появляется «новая экономика». Поэтому, если «новая экономика» дана только в измененных явлениях, прежних по своей сути, то новой (например, информационной, цифровой и пр.) экономики, кроме как в поверхностных уровнях и в сознании политиков, управленцев (иногда даже экономистов), нет.

Вывод: единство устойчивости и изменчивости, статики и динамики экономической системы обеспечивается только при использовании диалектической логики, центральным в которой является изучение сущности явлений как единства противоположностей (статика), обуславливающего динамику, процесс развития противоречий. В этом и состоит развитие экономики, а не в употреблении терминов «пост», «нео» и т.п.

Тогда очевидно, что без ответа на вопрос, в чем состоит социально-экономическая особенность хозяйственных систем, находящихся в трансформационном (переходном) состоянии, нельзя предложить практике направления её прогрессивного развития.

О некоторых особенностях исследования контуров «новой реальности»

На сегодняшний день важнейшими признаками современной реальности, свидетельствующими о глубокой системной трансформации мировой и национальных экономик в условиях процесса глобализации «как глобальной гегемонии корпоративного капитала, как особой социальной формы интернационализации» [4, с. 567] являются:

- методы цифрового контроля, искусственного интеллекта как механизма, направленного на перераспределения ресурсов в пользу спекулятивного капитала;
- методы социального программирования, власти сетей и эксклюзивной информации ради реализации интересов финансовых и информационных хозяйствующих субъектов мировой и национальных экономик;
- соединение новых технологий с достижениями в области физических и когнитивных наук становится основой фундаментальной трансформации, затрагивающей все сферы общественной жизни, включая экономику;
- процессы экономизации и финансализации политики и политизации экономики;
- экономизация неэкономических по сути отношений (социальных, политических, духовных) на основе рыночных принципов, особенно когда сами отношения выступают как нравственно-этические ценности.

О чём свидетельствуют эти признаки?

В трансформационном состоянии хозяйственных систем, как справедливо замечено А.В. Бузгалиным и А.И. Колгановым, происходит «уход в прошлое ключевых параметров прежней экономики и рождение новых» ... Но тогда «структура того, что уходит и что рождается, укажет с наибольшей очевидностью на структуру экономической системы (выделено нами)» [4. с. 686].

Мы неоднократно замечали, что в таких системах изменения, затрагивая их социально-экономическую природу, свидетельствуют о нелинейности их движения, неустойчивом состоянии систем (смена прогрессивности – регрессивности форм): изменения нового образования в них достигают такого уровня концентрации, который не достаточен для перелома в пользу становящейся формы, но уже обеспечивает невозможность абсолютного возврата к старой» [8, с.13].

Другими словами, новое возникает через самосохранения старого, так как процесс функционирования и движения экономической системы уже невозможен без включения в объективный механизм ее функционирования становящегося нового. Но это свидетельствует о том, что объективная заданность, предопределенность движения старой системы ослабляется становящимся новым.

Встает вопрос, каким образом новое попадает в основание трансформируемой (переходной) хозяйственной системы? Здесь содержатся два принципиальных методологических положения.

Первое связано с включением в данное исследование четкого выделения статики и динамики, структуры и функции системы. В рамках нашей темы это находит отражение в различии собственности как волевого отношения распределения благ производственного назначения (предпосылка) и экономического содержания собственности как втянутой в систему экономических отношений и результата их реализации. Это еще раз подчеркнул К.А. Хубиев, раскрывая применение политico-экономического воспроизводственного подхода к собственности, отмечая необходимость

«разграничения собственности как предпосылки становления социально-экономической системы и собственности как результата ее функционирования. В качестве предпосылки собственность может выступать как неэкономический процесс первичного перераспределения ресурсов и экономической власти» [с. 14]. И далее уточняет: «Перераспределить ресурсы – это еще не означает создать новую функциональную систему. Для этого необходимо пройти через созидательный процесс практического использования перераспределенных ресурсов. Именно здесь происходит проверка объективной необходимости и востребованности произошедших реформ в области собственности» [19, с. 15].

Второе, связанное с этим, различия объективного и субъективного механизма реализации экономических отношений.

Объективный механизм реализации социально-экономических отношений задан их единством с производительными силами, предопределяя организационно-экономические, институциональные нормы функционирования. Поэтому, по нашему мнению, объективный хозяйствственный механизм в таком понимании представляет собой объективно заданное социально-экономической природой экономической системы нормативное обеспечение ее процесса функционирования.

Та или иная форма собственности рождает специфические социально-экономические, организационно-экономические, институциональные формы и нормы экономической системы.

Но! Функционирование этих норм осуществляется через хозяйственную деятельность, через субъективное проявление объективного, устойчивого в ней. «Возникающая на этой основе хозяйственная организация общества и устойчива (своей экономической сущностью), и изменчива как хозяйственное явление» [10, с. 51].

Так как без хозяйственной деятельности субъектов хозяйственной системы механизм не «заработает», то субъективный механизм есть общественно сознательное целенаправленное воздействие на экономику через субъективное формирование институциональных, организационных норм и правил ее функционирования, которыми пропитаны все сферы жизни, своеобразные рамки принятия решений хозяйствующими субъектами.

Этот механизм позволяет воспроизводить господствующий социально-экономический интерес для реализации главного целеполагания развития системы через устранение норм и правил, не способствующих реализации поставленных социально-экономических целей и задач, корректировать сохраняющиеся, формировать новые.

В трансформируемых хозяйственных системах становится очевидным, что объективная предопределенность прогрессивным развитием их технологического основания, требующего соответствующего социально-экономического оформления, наталкивается на субъективно заданные организационно-экономические, формальные и неформальные институциональные и др. нормы, определяемые господствующим экономическим интересом. В рамках нашей темы это имеет принципиальное значение, так как становящееся новое в рамках функционирующей старой системы не может реализовать своё функциональное предназначение, а потому проявляет себя в мнимых иррациональных формах. Но и тем самым одновременно происходит самоотрицание старых, что проявляется в их деформированных формах. Поэтому неслучайно, в таких системах возникают ощущения мнимости происходящего, психологически воспринимаемого как «жизнь во лжи».

С одной стороны, такие системы требуют субъекта, заинтересованного не в сохранении старого, а в прогрессивном технологическом и социально-экономическом развитии. Другими словами, – созидательного субъекта социального-экономического преобразования. «Собственностью и экономической властью должны овладевать субъекты и социальные слои, заинтересованные в создании и освоении новых технологий, особенно в условиях технологических санкций, развитии потенциала отечественного производства» [19, с. 14].

А, с другой, – преобразования осуществляют те, кто заинтересован в сохранении и усилении своей экономической власти.

В этих условиях необходимость и значимость субъектного подхода в исследовании систем только возрастает. Субъектный подход исследования означает развертывание и уточнение сущности экономических отношений через механизм ее реализации, опосредованный действиями экономических субъектов, наделенных особым интересом социальной активности [8, с. 33].

И здесь в реализации интересов субъектов экономики через хозяйственную деятельность принципиальное значение приобретает и обратная их реакция на сигналы, посылаемые формальными институциональными и организационно-экономическими нормами.

Фактически действующий хозяйственный механизм, представленный формальными нормами, является своеобразным индикатором появления неформальных институциональных норм, встроенных в субъективный формальный хозяйственный механизм экономик. В развернутом виде – это результат принятия и реализации решений хозяйствующими субъектами.

О некоторых шагах повышения полезности экономической науки для современной российской экономики

В первую очередь необходимость легализации политической экономии, применяющую базовую и актуальную методологию к исследованию социально-экономической природы современной российской экономики, которая неорганична и во многом весьма противоречива. Тем более, что практика такого рода исследований имеется.

Так, А.В. Бузгалин и А.И. Колганов в своих работах последовательно развивали идею о том, что вместо процесса перехода к рынку, в России к 2015 году произошла и продолжает трансформироваться (замечание наше) экономика «... советского типа (мутантного социализма) в поздний капитализм периферийного типа, включающий широкий спектр добуржуазных и консервативно-советских форм ... российская экономика на предельно абстрактном уровне может быть охарактеризована как некий вид [запаздывающего генезиса] позднего капитализма ... эта предельно абстрактная характеристика принципиально недостаточна. Но ... необходима» [4, с. 692–693].

На поверхностном уровне функционирования нашей экономики действуют формально институты позднекапиталистической системы полупериферийного типа. А по сути?

Авторы подчеркивают: «... наряду с генезисом форм позднего капитализма полупериферийного типа осуществился процесс «негативной конвергенции» продуктов (1) генезиса полулегальных форм капитализма, (2) разложения советской системы (бюрократизм и блат, выродившиеся в теневое огосударствление и паразитирование частного капитала на ... государственном бюджете и коррупционных сделках) и (3) реинкарнации позднефеодальных отношений» [4, с. 695–696]. Очевидна неорганичность трансформационной системы. Обойдем вопрос об объективных предпосылках и внутренних противоречиях стартовой экономики этой трансформации.

Но в соответствии с нашей темой, встает вопрос: почему такая внутренне противоречивая трансформация, как оказалось, воспользуемся термином исследователей, обладала качеством самоконсервации? И здесь без понимания того, что в экономиках, находящихся в трансформационном процессе, субъектный фактор играет важную роль в выборе и обеспечении направленности движения, ответить на этот вопрос невозможно.

Российская экономика столкнулась с ситуацией, когда в действующий хозяйственный механизм наряду с формальными институциональными нормами оказались встроенными неформальные нормы, «своеобразные правила игры».

Как справедливо подчеркивают А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, сложился сложный способ координации: «(1) характерные для позднего капитализма формы рынка и их мутации; (2) государственное регулирование (и его мутации), а также (3) элементы добуржуазной координации» [4, с. 700]. В первом случае имеем экономическую власть «обособленных корпоративно-бюрократических групп» [4, с. 704], а не просто олигополистический рынок. А во втором – теневое государственное косвенное и/или ручное централизованное управление» (особенно проявляющееся в регионах) [4, с. 705]. Хубиев К.А. в отмеченной нами работе, характеризуя российские реформы,

пишет: «Глубоким пороком российских реформ стало вытеснение созидательных слоев общества из основ экономической системы и захват этих основ паразитическими, криминальными, компрадорскими и прочими субъектами, в приоритетных интересах которых технологический и социально-экономический прогресс не значились. Личные и общественные интересы расходились порой диаметрально. Целенаправленная гетерогенизация основ экономической системы выступила главным фактором разрушения по всей вертикали системы: экономики, культуры, морали, правопорядка и т.д. Разрушение приняло масштабы цивилизационного уровня» [19, с. 13].

Про деформированные формы проявления новых и старых отношений, речь уже шла. Более того, мы неоднократно обращались к этому вопросу, поэтому попытаемся ответить на вопрос, как и какие неформальные нормы встраиваются в хозяйственный механизм.

В рамках собственно хозяйственного подуровня хозяйственной системы субъективное восприятие хозяйствующими субъектами проявляется в субъективном осознании своего места в общественном производстве, интересов, институциональных и организационных условий и норм своей хозяйственной деятельности, воспринимая предлагаемые хозяйствственные формы и нормы, по мнению д.э.н. Валерия Петровича Фёдорова, «как сигналы, своеобразные стимулы, которые предстают как кванты информации, по критерию соотношения результата и затрат» [18, с. 199, 202-203].

Воспринимая сигналы через призму своих потребностей и интересов, они принимают рациональное решение (в соответствии с поставленной им целью), критерий которого может быть как экономический, так и политический, нравственный и т.п., не соответствующий частично, либо полностью нормативным рамкам. Но пока это – локальная (индивидуальная или групповая) норма принятия и реализации решения. Но как только она начинает воспроизводиться все более широким кругом хозяйствующих субъектов, то есть растет ее концентрация, она приобретает черты неформальной нормы, встроенной в хозяйственный механизм.

В связи с этим хотим обратиться к статье В.П. Фёдорова «Модальная структура» [17]. Валерий Петрович обратил внимание, на наш взгляд, на принципиальный момент в понимании этого процесса.

Нами ранее просто фиксировалось, что спонтанно, стихийно возникающие нормы хозяйственной деятельности приводят к стихийному возникновению новых неформальных институциональных норм, регулирующих хозяйственные поведения и взаимодействия, становясь элементами хозяйственного механизма системы, в случае неадекватности формальных институциональных норм их социально-экономической природе и структуре сложившихся экономических интересов при их воспроизводстве. Валерий Петрович Фёдоров пошёл дальше и предложил для дискуссии введение в гипотезу рациональных ожиданий концепцию нормально распределенной рациональности.

Процитируем его позицию по этому вопросу: «... эта неравномерно распределенная рациональность исключает вменение обществу в целом абсолютной рациональности. Эта рациональность относительна. Она воспроизводится, она нарастает, но не исключает при этом элементов нерационального поведения. При этом все относительно. То, что вчера было относительно рациональным, сегодня становится уже частью отсталого, нерационального поведения... Гораздо более обоснованным будет закладывание в макроэкономические модели не агрегированного типичного рационалиста, а нормальное распределение совокупной рациональности в обществе» [17, с. 264].

Заметим, без серьезного анализа реакции хозяйствующих субъектов (в том числе и ценностной) на сигналы, поступающие в виде формальных политических, институциональных, организационно-экономических, финансовых и др. норм, невозможно, с одной стороны, ответить на вопрос о природе появления этих неформальных норм. С другой, – на вопрос об адекватности экономической политики, проводимой государством, адекватности формальных институциональных и других

норм их социально-экономической природе и структуре сложившихся экономических интересов при их воспроизведстве.

Обращает на себя внимание выступление на IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», состоявшейся 28 – 29 ноября 2024 года в Тверском государственном университете д.э.н., проф. Ольги Аркадьевны Александровой, посвященное последствиям наблюдаемым и латентным коммерциализации социальной сферы. Профессор привела данные по целому ряду социологических исследований, проведенных под ее руководством (2011 в Московской области, 2012 г. в 5 регионах, в 2019 и 2023 в Москве). Подробнее о методологии и результатах исследования можно, например, познакомиться в работе «Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: (часть первая)», подготовленной Александровой О.А. и Комоловой О.А. [1]. Вывод, к которому пришли исследователи и на который обратила внимание выступающая, неутешительный: «Что касается поставленной в начале реформы задачи «более рационального» расходования бюджетных средств, то, если смотреть на социальную сферу сквозь призму сугубо бухгалтерского подхода и с ориентацией на короткий временной горизонт, она решена. Если же рассматривать вопрос комплексно, и ориентируясь на долгосрочные социальные и экономические эффекты (а отвечающая за человеческий потенциал страны социальная сфера требует именно такого подхода), то и эту задачу нельзя считать решенной. А, значит, дискуссия об организации работы социальных отраслей остается актуальной»

В 2019 году в статье «О способности России к социально-экономическим трансформациям» Дмитрий Евгеньевич Сорокин актуализировал проблему ограниченности современной экономической теории в исследовании проблем трансформационных процессов, поставил научную задачу «выявления неформальных институтов, формирующих экономическое поведение субъектов хозяйственной жизни, и на основе познания закономерностей их функционирования – определение возможных механизмов их трансформации» [16, с. 27]. Разве не кроется здесь весьма существенный аспект проблемы «эффективности» для практики экономической теории? Использование методологии экономического институционализма поможет подойти к раскрытию аспекта условий эффективности.

Наш коллега – доцент Николай Витальевич Костюкович, принимая участие в дискуссии по обсуждаемой проблеме, заметил: «теория, акцентирующая внимание на творческой стороне труда, роли информации как ресурса (предмета и средства труда) и продукта, более детальном анализе общественного характера трудовой деятельности, расширении содержания производительного труда и уточнении понятия производительности труда, изменит, вероятно, систему национальных счетов до неузнаваемости, как этого уже требует наше время, позволит восстановить в правах натуральные (естественные) макроэкономические показатели и позволит выработать адекватные оценки макроэкономических результатов».

Но это и есть необходимость и возможность использования накопленного опыта экономической теории в применении и углублении методологии исследования в единстве трех частей: политической экономии, неоклассики и неоинституциональной экономической теории. Тем самым мы поможем и нашим коллегам других направлений изучения экономики актуализировать подходы к их исследованиям ее современных проблем, а, следовательно, сделать экономическую теорию более эффективной для практики.

Выводы

Позволим себе завершить статью выводами, остающимися еще более важными и актуальными сегодня, сделанными выдающимся ученым Александром Владимировичем Бузгалиным, памяти которого было посвящено Пленарного заседание IV Международной научно-практической конференции «Социально-экономическая траектория развития России: категорический императив бытия во времени и пространстве», о которой шла речь выше.

«Вывод первый: economics и лежащие в его основе политico-экономические теории отображают лишь часть реальной экономической жизни (преимущественно превратные формы функционирования рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования (не дают достаточных знаний в процессе образования) многих реальных и значимых социально-экономических процессов современной глобальной экономики; поэтому данному течению необходимо отвести подобающее ему место, включив в круг других школ экономической теории, но не представляя его единственным и универсальным знанием.

Вывод второй: для учёного (и студента), стремящегося осмыслить современный социально-экономический строй в его качественной специфике, необходимо не только овладеть economics, но и критически, творчески освоить методологию и теорию различных политico-экономических школ. В противном случае научные разработки и практические рекомендации в недалёком будущем окажутся теоретически малоплодотворными и неадекватными запросам практики.

Вывод третий, ... абсолютно необходимым условием дальнейшего прогресса нашей науки является существенная коррекция программ и учебных планов вузов в области экономической теории» [5, с. 21].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова О.А., Комолова О.А. Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: (часть первая) // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 96-108; Александрова О.А., Комолова О.А. Реформа здравоохранения: руководители медучреждений на острие проблем: (часть вторая) // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 79-91.
2. Антропов В.А. Общенациональная идея для современной стратегии развития профессионального образования России с.863-866 /Антропов.doc [Электронный ресурс] (дата обращения 18.07.2025)
3. Анкин Д.В. Теория познания: учеб. пособие / Д.В. Анкин. М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. 192 с.
4. Бузгалин Александр Владимирович, Колганов Андрей Иванович Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 2 Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Издание 3-е, испр. и сущ. доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 904 с.
5. Бузгалин А.В. (2015). Классическая политэкономия: возвращение в университеты // Вопросы политической экономии. №1. С. 8–23.
6. Карасёва Л.А. Методологический и политэкономический потенциал современной экономической науки / Л.А. Карасева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 3. С. 74-79. – EDN STYOWR.
7. Карасева Л.А. (2018). Путь к интеграционному экономическому знанию: к вопросу о практичесности методологии марксизма // Вопросы политической экономии. № 4 (16). С. 29–35.
8. Карасева Л.А. Нужна ли современным теориям экономики методологическая культура политэкономического исследования? / Л.А. Карасева // Теоретическая экономика. 2024. № 8(116). С. 12–24. – DOI 10.52957/2221-3260-2024-8-12-24. – EDN YBFJVQ.
9. Карасёва Л.А., Петрищев В.А. Методология научного исследования: учебное пособие. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. 280 с.
10. Квасов Р.А. Философия экономических отношений / Р.А. Квасов // Экономический Вестник Ростовского университета. 2003 Т. 1 №3. С. 43–52.
11. Кошовец О.Б. (2019) Куда движется современная экономическая наука: горизонтальный прогресс, превосходство метода и замещение теории дискурсом // Общественные науки и современность. № 5. С. 175–190. DOI: 10.31857/S086904990006636-1
12. Кусургашева Л.В. Экономическая наука, практика и образование: проблемы взаимодействия / Л.В. Кусургашева, В.Н. Давыдова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11–2. С. 237–243. – DOI 10.17513/vaael.1941. – EDN YIJGMQ.
13. Огнев А.Н. Проблема соотношения теории и практики в онтогносеологической детекции действительности / А.Н. Огнев // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2021. № 4(9). С. 98–104. – EDN RMIIIZK.
14. Сергеев, А.А. Структура производственных отношений социализма: вопросы методологии исслед. /А. А. Сергеев, АН СССР, Ин-т экономики. – Москва: Наука, 1979. – 240 с. – (Проблемы сов. экономики).
15. Сидоренко Н.И. Глава 4 Развитие взглядов Г.В. Плеханова, взаимосвязь теории и практики / Сидоренко Николай Иванович // Георгий Валентинович Плеханов: жизнь, деятельность, осмысление творческого наследия: монография / под ред. Ф.Л. Шарова, Г.П. Журавлевой. М.: Международный институт экономики и права, 2018. С 134–143.
16. Сорокин Д. Е. О способности России к социально-экономическим трансформациям / Д. Е. Сорокин // Экономическое возрождение России. 2019. № 1(59). С. 23–28. – EDN YYIUKT.
17. Федоров В.П. Модальная структура экономики / В.П. Федоров // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2025. № 1(69). С. 260–268. – DOI 10.26456/2219-1453/2025.1.260–268. – EDN ZDCENV.

18. Федоров В.П. Общая теория стимулов: монография. М.: КНОРУС, 2021. 218 с.
19. Хубиев, К. А. Междисциплинарный потенциал развития экономической теории на основе политической экономии / К. А. Хубиев // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2025. – № 1(69). – С. 6-17. – DOI 10.26456/2219-1453/2025.1.006-017. – EDN YWIDLQ.

The contours of the “new reality” and the problems of reviving the meanings of modern economic science

Karaseva Lyudmila Arshavirovna

Doctor of Economics, Professor,
Tver State University, Tver, Russian Federation
E-mail: karasevatvgu@yandex.ru

KEYWORDS

economic theory and real practice, logical imperfection of theory, criterion of theory truth, transformational state of economy, unknown economic reality, the usefulness of economics

ABSTRACT

This material was prepared following a speech at the opening of the IV International Scientific and Practical Conference “The Socio-Economic Trajectory of Russia’s Development: The Categorical Imperative of Being in Time and Space”, held on November 28-29, 2024 at Tver State University, Tver. We were faced with the task of setting a certain framework for discussion at its Plenary meeting, stating a topic that internally implies some attempt to answer a fundamental question: what is the relationship between economic theory and practice, and, therefore, what is the nature of the connection between their potentials. The actualization of this problem is due to the fact that recently the theory has been increasingly accused of breaking with practice. At the same time, on the one hand, there is no necessary social order for deep socio-economic theories that explore the nature of systemic problems arising in economic practice. And, on the other hand, there is a tradition of a narrowly specialized, linear approach to their research: economic, managerial, legal, etc. For example, in economic theory, there are many approaches and schools, each of which offers its own ideas about how the economy functions. Thus, the classical school focuses on the free market and minimal government intervention, Keynesianism emphasizes the role of government regulation to stabilize the economy, and neoclassicism focuses on rationality and balance. But the “new reality” is complex, because it is associated with deep transformational processes. In these conditions, the problem of preserving and developing the methodology of political economy is extremely urgent and requires close attention of the economic community to understand the socio-economic nature of the ongoing transformations in order to increase the effectiveness of modern economic science for practice. This article presents an attempt to look at the indicated problem from the standpoint of the meanings of economic science, the ultimate goal (value) or the characteristics of its usefulness for practice, while maintaining a somewhat thesis statement of key provisions, justified, in our opinion, by the multidimensional nature of the proposed material.